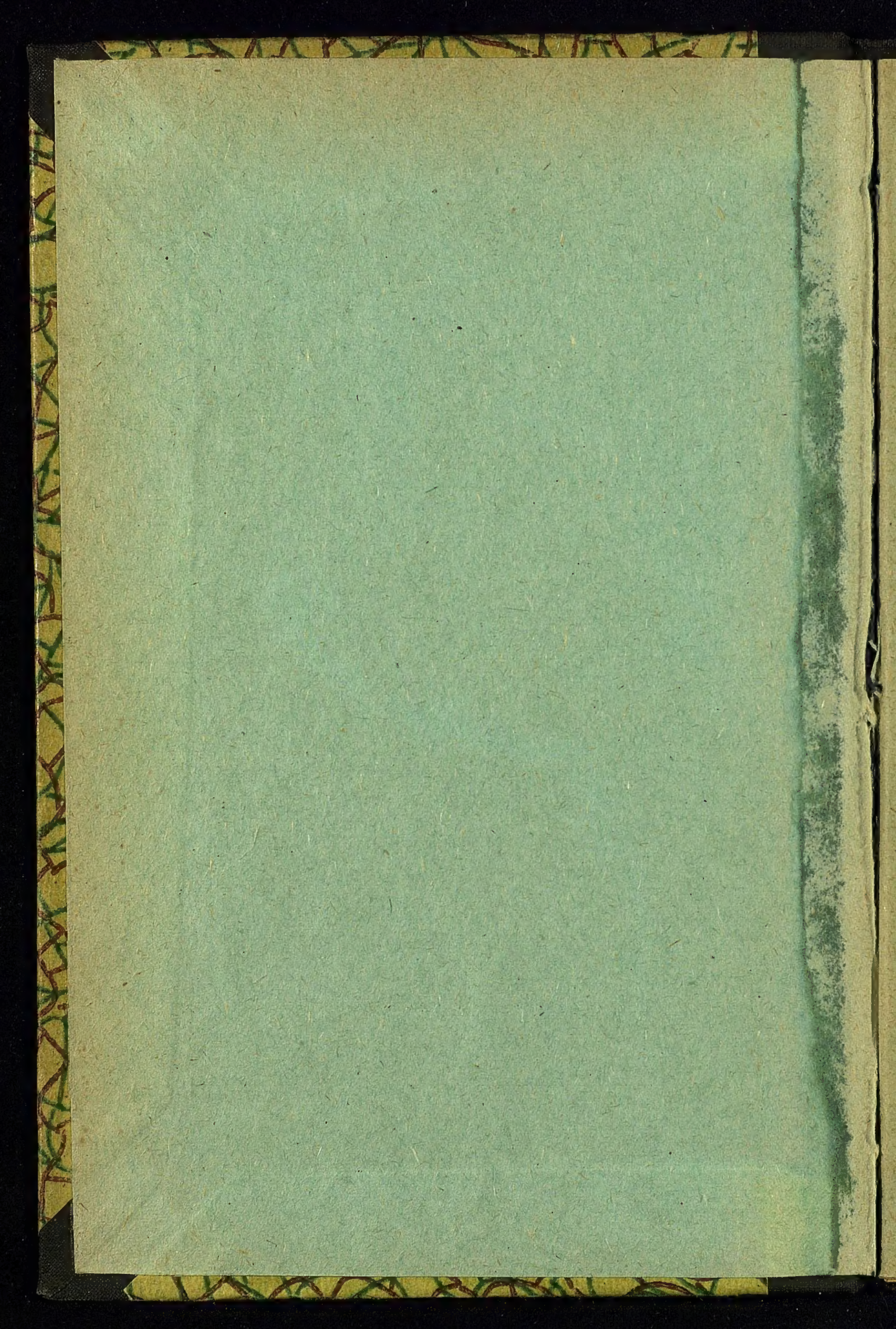
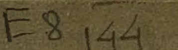

П. Н-евъ.

КАКЪ ЖИВЕТСЯ НАШИМЪ ПЛѢННЫМЪ

ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРО-ВЕНГРІИ.

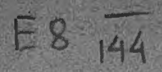

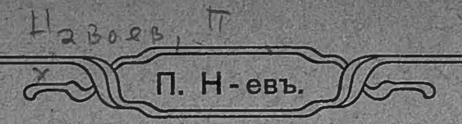
Русскіе герои, бѣжавшіе изъ германскаго плѣна, изъ г. Везеля, и снятые въ русскомъ консульствѣ въ Голландіи.

(сто пятая тысяча).

ПЕТРОГРАДЪ.
Военная Типографія Императрицы Екатерины Великой
(въ зданіи Главнаго Штаба).
1915.

П. Н-евъ.

КАКЪ ЖИВЕТСЯ НАШИМЪ ПЛѢННЫМЪ ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРО-ВЕНГРІИ.

Русскіе герои, бѣжавшіе изъ германскаго плѣна, изъ г. Везеля и снятые въ русскомъ консульствѣ въ Голландіи.

ПЕТРОГРАДЪ.
Военная Типографія Императрицы Екатерины Великой
(въ зданіи Главнаго Штаба).
1915.

ПРИКАЗАНІЕ
ПО VII АРМІИ.

12-го августа 1915 года.

№ 201.

Въ объявленіи по арміи за № 25 указано о выходѣ изъ печати одобренной Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго иллюстрированной брошюры **П. Н-ва.**

„Какъ живется нашимъ плѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгріи“.

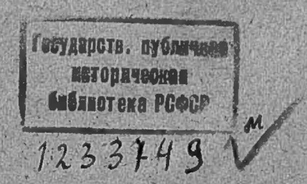
Тамъ же указана и цѣль изданія брошюры,

Командующій арміей приказалъ основательно ознакомить съ содержаніемъ названной брошюры нижнихъ чиновъ арміи, а также прибывающія въ запасные батальоны арміи пополненія.

СПРАВКА: объявленіе по арміи сего года № 25.

Подписалъ: Начальникъ Штаба арміи,
Генералъ-Лейтенантъ *Стремоуховъ.*

(**По Управленію Генералъ-Квартирмейстера**).
(Отдѣленіе строевое).

Настоящая брошюра предназначена для ознакомленія нашихъ доблестныхъ воиновъ и народа съ тѣми подлыми пріемами войны, которые ввели въ систему наши коварные враги.

Разсказы, помѣщенные здѣсь, рисуютъ яркую картину того, какимъ ужасамъ, насиліямъ и униженіямъ пришлось подвергнуться нашимъ воинамъ, попавшимъ въ руки вѣроломныхъ нѣмцевъ.

П. Н—евъ.

Матеріаломъ по составленію брошюры служили: сообщенія Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба, показанія вернувшихся изъ плѣна, статьи газетъ и журналовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Минскимъ Военно-Окружнымъ Управленіямъ

НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ.

№ 104.

16 Августа 1915 года, гор. Минскъ.

Объявляется о выходѣ изъ печати иллюстрированной брошюры **П. Н-ева:**

„Какъ живется нашимъ плѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгріи“.

Брошюра предназначена для ознакомленія нижнихъ чиновъ съ тѣми подлыми пріемами войны, которые ввели въ систему наши коварные враги.

Разсказы, помѣщенные въ брошюрѣ, рисуютъ яркую картину того, какимъ ужасамъ, насиліямъ и униженіямъ пришлось подвергнуться нашимъ воинамъ, попавшимъ въ руки вѣроломныхъ нѣмцевъ.

Въ брошюрѣ помѣщены фотографіи героевъ, бѣжавшихъ изъ плѣна.

Цѣль изданія брошюры—разсѣять ложное представленіе о жизни нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и Австро-Венгріи, навязанное злонамѣренными людьми и нѣмецкими прокламаціями.

Брошюра одобрена Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго № 10453 и признана весьма полезной для нижнихъ чиновъ.

Цѣна книжки 15 коп.

При выпискѣ 1000 экземпляровъ и болѣе цѣна 10 коп. экземпляръ.

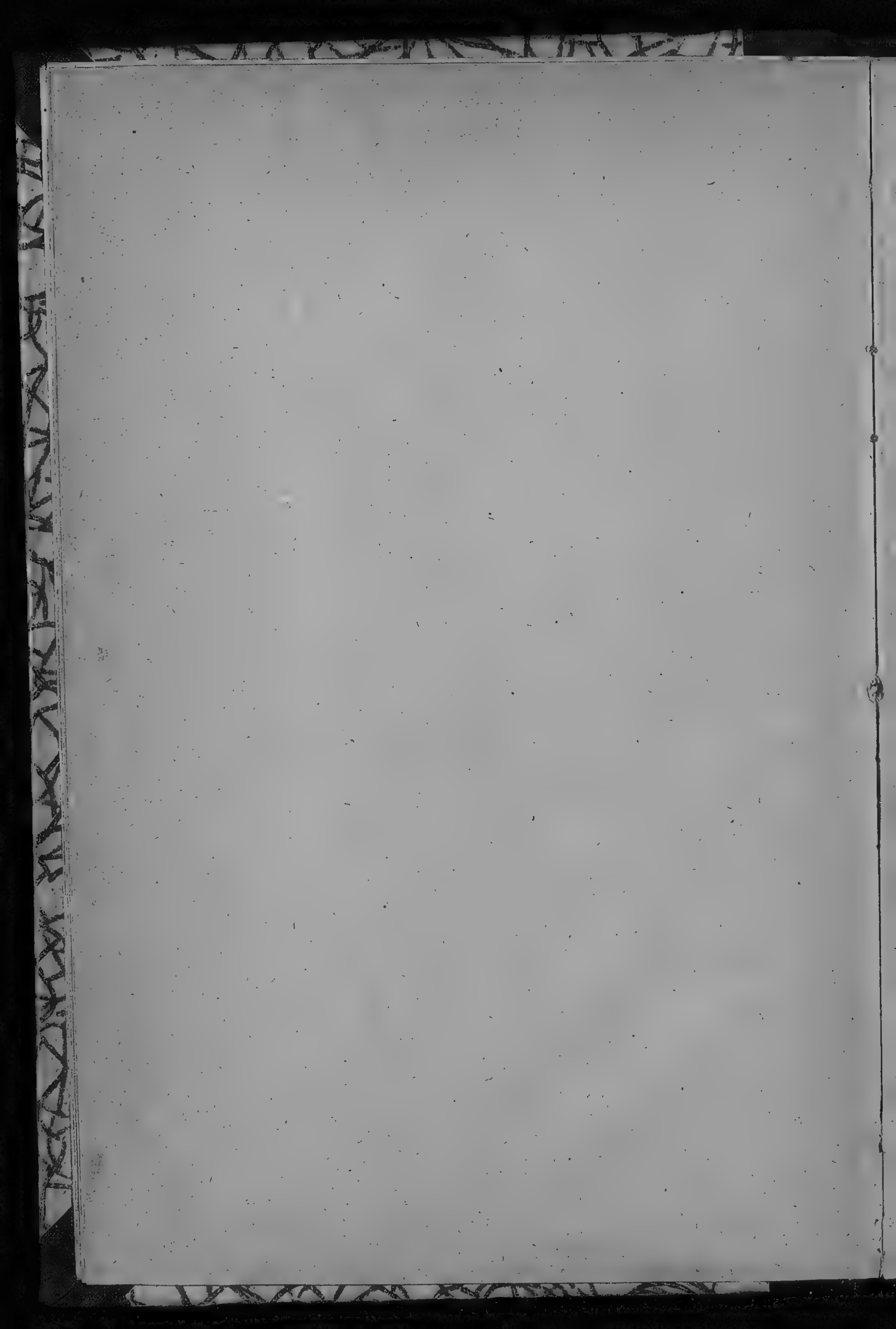
СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ

въ книжный магазинъ Главнаго Штаба и Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба.

Петроградъ, Невскій пр., д. № 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Показанія Штабсъ-Капитана Самохвалова	14
Сожженіе Сибирскаго стрѣлка на кострѣ	16
Избіеніе плѣнныхъ конвойными	17
Разсказъ прапорщика Денисова, бѣжавшаго изъ нѣмецкаго плѣна	18
Дневникъ военно-плѣннаго	22
Разстрѣлъ Оренбургскихъ казаковъ	28
Исповѣдь Штабсъ-Капитана Жилкинскаго	29
Нѣмецкіе санитары-мародеры	30
Стрѣлокъ-развѣдчикъ Троицкій	31
Разстрѣлъ плѣнныхъ въ сараѣ	—
Евстратъ Бойко	33
Путь плѣнныхъ въ Германію. Унизительныя работы	34
Мученическая смерть казака Анохина	37
Пытки у австрійцевъ	—
Геройская смерть старика Базарника	38
Издѣвательство австрійцевъ надъ ранеными	—
Сожженіе раненыхъ на станціи Жеймы	39
Письма военно-плѣннаго изъ Германіи	40
Показанія австрійскаго офицера	42
Отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба	45
Заключеніе	46

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Весь міръ пораженъ тѣмъ способомъ веденія войны, съ которымъ выступила и котораго продолжаетъ придерживаться Германія, потянувши за собой въ томъ же направленіи Австрію, а за ней и Турцію.

Уже черезъ нѣсколько дней съ начала войны появились сообщенія о насиліяхъ и гнусныхъ звѣрствахъ, чинимыхъ австрійцами и германцами надъ нашими ранеными. Передавались подробности, которымъ положительно не хотѣлось вѣрить. Но каждый новый день приносилъ все новыя и новыя свѣдѣнія о гнусныхъ звѣрствахъ нашихъ противниковъ.

Подлый врагъ нарушилъ всѣ международные обычаи войны. Попралъ законы божескіе и человѣческіе. Не взирая на протесты державъ и ссылки на Гаагскую конференцію, онъ не прекратилъ своихъ звѣрствъ.

Жестокости враговъ по отношенію къ нашимъ раненымъ и плѣннымъ въ послѣднее время выходятъ изъ всякихъ границъ.

Издѣвательства надъ плѣнными приняли характеръ массовыхъ преступленій.

Въ избіеніи нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ участвуютъ не отдѣльныя лица, а цѣлыя части во главѣ со своими командирами.

Приказы о разстрѣлѣ плѣнныхъ — Принца Рупрехта баварскаго и генерала Стенгера (командующаго 58-й бригадой 14-го баварскаго корпуса) и другихъ германскихъ офицеровъ-извергов — уже приводятся въ исполненіе [1]).

Приказъ генерала Стенгера помѣщенъ въ газетѣ „Temis" (3—11). Вотъ онъ: „Съ сегодняшняго дня плѣнныхъ больше не брать.

[1]) Чрезвычайная слѣдственная комиссія извѣщаетъ, что нѣсколько казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ, были повѣшены внизъ головой, по распоряженію германскаго ротмистра-палача фонъ-Э...

Всѣхъ плѣнныхъ, даже въ значительномъ количествѣ, немедленно разстрѣливать. Такъ же поступать съ ранеными, все равно, имѣютъ-ли они при себѣ оружіе или нѣтъ".

И сколько замучено, разстрѣляно нѣмцами русскихъ солдатъ?

Если бы было возможно вести хронику гнусныхъ звѣрствъ каждаго дня, можно было бы исписать цѣлые томы.

Ниже приведены болѣе яркіе разсказы, представляющіе собою краснорѣчивыя подтвержденія того, какимъ ужасамъ и насиліямъ пришлось подвергнуться нашимъ воинамъ, попавшимъ въ руки нѣмцевъ.

Жизнь нашихъ плѣнныхъ въ Германіи полна ужаса.

Въ настоящее время вернулись изъ Германіи и Австріи въ Россію нѣкоторые военноплѣнные, коимъ удалось при тѣхъ или иныхъ условіяхъ получить свободу.

Истинное положеніе нашихъ плѣнныхъ въ Германіи и Австріи, по разсказамъ вернувшихся изъ плѣна лицъ и согласно имѣющимся документальнымъ даннымъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

При захватѣ въ плѣнъ у плѣнныхъ, не исключая и офицеровъ, обыкновенно отбираются не только деньги и все болѣе или менѣе цѣнное, но даже хлѣбъ, платье, сапоги и бѣлье [1]).

Сопротивлявшихся германцы убивали безъ всякой, повидимому, къ тому причины и убитыхъ грабили. Такъ погибли 8 Оренбургскихъ казаковъ, разстрѣлянныхъ нѣмцами въ ноябрѣ минувшаго года у города Брезинъ.

Захваченныхъ въ плѣнъ—полураздѣтыхъ, босыхъ или въ опоркахъ—отправляютъ, обычно, пѣшимъ порядкомъ.

Во время пути, иногда, продолжавшагося нѣсколько дней, плѣннымъ не давали ни хлѣба, ни горячей пищи, а кормили лишь свеклой и картофелемъ и то, если эти продукты случайно находились въ какой-либо деревушкѣ, расположенной по пути слѣдованія плѣнныхъ.

Но большею частью плѣнные офицеры и нижніе чины питались *подаяніями* отъ польскихъ крестьянъ.

Отправка плѣнныхъ въ глубь Германіи, въ особые концентраціонные лагери, производилась въ скотскихъ, глухихъ вагонахъ.

Сажали по 80—90 человѣкъ въ одинъ вагонъ. Плѣнные отъ духоты и голода умирали въ вагонахъ.

---

[1]) Подпоручикъ Мальцевъ 26 февраля былъ приведенъ нѣмцами въ нашъ лазаретъ въ Вержболово почти голымъ,—нѣмцы стащили съ него шинель, папаху и сапоги.

Разсказы очевидцевъ о жизни русскихъ плѣнныхъ въ Германіи производятъ удручающее впечатлѣніе.

Обращеніе съ плѣнными жестокое, унизительное, доходящее до издѣвательства.

За каждую малѣйшую провинность или непослушаніе налагаются строгія взысканія: бьютъ по лицу, колютъ штыками. Заключеніе подъ арестъ на 1—14 сутокъ обычное явленіе. При этомъ каждый день арестованныхъ выводятъ изъ мѣстъ заключенія и выстраиваютъ, связывая резиновымъ шнуромъ руки, и неподвижно заставляютъ стоять въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Въ видѣ наказанія продѣлываютъ репетицію разстрѣла. Также въ видѣ наказанія практикуется подвѣшиваніе плѣнныхъ на опредѣленное время—такимъ способомъ, чтобы ноги подвѣшиваемаго едва касались земли. Здоровый, крѣпкій человѣкъ отъ подвѣшиванія падалъ лишь въ обморокъ,—слабые же умирали.

Отъ недостатка питанія среди плѣнныхъ въ Германіи свирѣпствуетъ голодный тифъ и цынга; больныхъ тифомъ нѣсколько тысячъ. Вши и блохи съѣдаютъ плѣнныхъ. Тѣло у нѣкоторыхъ виситъ отъ недоѣданія; малокровіе у многихъ развивается съ смертельнымъ исходомъ, почему даже ничтожныхъ болѣзней плѣнные не переносятъ и умираютъ отъ истощенія организма.

Видъ у всѣхъ плѣнныхъ крайне жалкій. Одѣты они въ рубище, нѣкоторые ходятъ въ рубахахъ, сшитыхъ изъ рогожи, встрѣчаются и такіе, которые совершенно ничѣмъ не прикрыты.

Размѣщаются военноплѣнные въ помѣщеніяхъ, не удовлетворяющихъ даже самымъ минимальнымъ требованіямъ гигіены. Въ большинствѣ это землянки, вырытыя самими же плѣнными, причемъ землянки эти настолько плохи, что были случаи ихъ обваловъ, сопровождавшихся человѣческими жертвами. Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ плѣнными построены досчатые бараки.

Спятъ плѣнные на соломѣ, представляющей собою скорѣе одну труху. Даже офицеры не всѣ имѣютъ нары, большинство же изъ нихъ спитъ на старыхъ, грязныхъ тюфякахъ, положенныхъ прямо на земляной полъ.

Ежедневная принудительная, грязная, омерзительная, тяжелая работа, подъ угрозой разстрѣла, штыковъ, ударовъ прикладами и плевковъ. Плѣнные возятъ на себѣ тяжести. Запрягаютъ ихъ и въ плугъ по 5—6 человѣкъ и, такимъ образомъ, вспахиваютъ поля. Съ работы ежедневно доставляютъ десятки человѣкъ—въ синякахъ и съ колотыми штыковыми ранами.

Перевозка плѣнныхъ съ мѣста на мѣсто происходитъ въ глухихъ скотскихъ вагонахъ, настолько загаженныхъ, что глаза болятъ отъ аммiачныхъ испаренiй.

Въ пути плѣнные подвергаются всевозможнымъ оскорбленiямъ толпы; нѣмецкiя женщины, иногда, изъ любопытства, окружаютъ нашихъ плѣнныхъ и, побуждаемыя чувствомъ мести, оскорбляютъ ихъ.

Нѣсколькихъ раненыхъ военноплѣнныхъ, упавшихъ на желѣзнодорожной станцiи близъ Берлина, били по лицу и въ животъ, послѣ чего втолкнули въ вагонъ. На одной станцiи толпа плевала въ лицо высунувшемуся изъ вагона раненому-слѣпому.

Одинъ изъ плѣнныхъ передаетъ слѣдующiй возмутительный случай: его товарища, обвиняемаго въ сопротивленiи провожатымъ, вытолкали изъ вагона и привязали къ телеграфному столбу, а чтобы заставить его не шевелиться, избили прикладами до потери сознанiя. Больше его никто не видѣлъ.

По смерти плѣнныхъ не производятъ слѣдствiя; трупъ тотчасъ же выносятъ и закапываютъ.

Къ такимъ звѣрскимъ прiемамъ прибѣгаетъ врагъ, видя свое безсилiе въ борьбѣ съ русскими воинами.

Нѣкоторые изъ малодушныхъ нашихъ солдатъ, отдавшiеся въ руки врага, утѣшали себя мыслью, что въ нѣмецкомъ плѣну найдутъ они отдыхъ отъ непрерывныхъ боевъ и встрѣтятъ человѣческое обращенiе, а послѣ войны здоровыми возвратятся на родину.

Жестоко ошиблись они.

Если кто и остался живъ изъ нашихъ плѣнныхъ въ Германiи, то условiя жизни въ плѣну: голодовка, побои, тяжелыя, изнурительныя работы—готовятъ ихъ къ медленной смерти. Уже въ настоящее время, вслѣдствiе недоѣданiя и

отсутствія гигіеническихъ условій къ жизни, среди плѣнныхъ свирѣпствуютъ: голодный тифъ, чахотка и др. болѣзни которыя сотнями уносятъ плѣнныхъ въ могилу.

Нѣсколько нашихъ плѣнныхъ, не имѣя болѣе силъ переносить истязанія, голодъ, и видя неминуемую смерть, бѣжали изъ плѣна и счастливо возвратились въ Россію.

Въ настоящее время герои снова въ строю. Ненависть, злоба къ подлымъ нѣмцамъ и жажда мести кипятъ въ груди героевъ.

Всѣ русскіе плѣнные усердно просятъ возвращающихся на родину, передать товарищамъ дѣйствующей арміи, что съ ними обращаются чрезвычайно скверно. Не хватаетъ силъ переносить голодъ, истязанія, издѣвательства и оскорбленія подлыхъ нѣмцевъ. Лучше смерть—чѣмъ плѣнъ.

„Въ плѣнъ мы больше не попадемся, живыми въ руки врага не дадимся“, говоритъ унтеръ-офицеръ Егоръ Котовъ, „лучше смерть въ бою, чѣмъ позорный плѣнъ“.

„Скорѣй бы только добраться до подлыхъ нѣмцевъ. Не будетъ пощады злодѣямъ, мучителямъ..... Отомщу имъ за истязанія товарищей“.

Унтеръ-офицеръ К-скаго полка Егоръ Котовъ и самокатчикъ Н-скаго полка Іосифъ Нутовецъ, бѣжавшіе изъ германскаго плѣна.

Только благодаря непреодолимому желанію, упорству и находчивости, этимъ героямъ удалось бѣжать изъ германскаго плѣна. 26 дней они блуждали по Германіи и Западной Польшѣ. Наконецъ, прорвавшись черезъ непріятельскія по-

зиціи, счастливо пробрались въ наши окопы. Въ серединѣ апрѣля герои, по прибытіи въ одинъ изъ главныхъ штабовъ, удостоились представленія Его Императорскому Высочеству Верховному Главнокомандующему Великому Князю НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ.

За лихой побѣгъ изъ германскаго плѣна герои награждены Георгіевскими крестами и медалями.

Показанія Штабсъ-Капитана Самохвалова.

Копія рапорта Штабсъ-Капитана Самохвалова командиру полка, отъ 12 декабря 1914 года, за № 48.

Послѣ боя 12 октября сего года, раненый въ руку и ногу съ раздробленіемъ костей, я, при отступленіи нашихъ, былъ оставленъ въ лѣсу и, какъ тяжело раненый, попалъ въ нѣмецкій плѣнъ, въ которомъ пробылъ до 2-хъ часовъ дня 15 октября. За время пребыванія въ плѣну кое-что видѣлъ я самъ, кое-что слышалъ отъ жителей гор. Радома, гдѣ я пролежалъ двѣ недѣли,—и отъ подпрапорщика 15 роты... полка Матющенки, пробывшаго въ плѣну 18 дней и бѣжавшаго изъ таковаго 15 октября. Вкратцѣ все мною видѣнное, испытанное и слышанное сводится къ слѣдующему:

1) Раненыхъ и убитыхъ, при первой же возможности, нѣмцы обираютъ дочиста; съ меня, напримѣръ, сняли даже кокарду и погоны, не забыли часы и кошелекъ.

2) У плѣнниковъ, раненыхъ и здоровыхъ, независимо отъ того—офицеръ онъ или нижній чинъ, по пути слѣдованія встрѣчающіеся нѣмецкіе солдаты даже въ присутствіи своихъ офицеровъ отбираютъ все, что замѣтятъ и что имъ понравится, лишь бы отнятая вещь была имъ полезна и имѣла хоть какую-либо цѣнность; при мнѣ отбирали котелки, шинели, снимали сапоги.

3) За три дня пребыванія въ плѣну ни меня, какъ раненаго офицера, ни нижнихъ чиновъ, здоровыхъ и раненыхъ, не поили и не кормили; всѣ плѣнники *питались*

подаяніемъ отъ польскихъ крестьянъ и овощами, украдкой собираемыми по пути съ огородовъ и полей.

4) За три дня никому не сдѣлали ни одной перевязки; бывшіе въ нѣмецкомъ плѣну съ 27 сентября наши офицеры Капитанъ Воскресенскій и Штабсъ-Капитанъ Карповъ и находившіеся на излеченіи въ гор. Радомѣ въ нѣмецкомъ лазаретѣ до 15 октября, разсказывали, что *нѣмецкіе врачи, въ общемъ, относились къ нимъ очень пренебрежительно* и по 6—8 дней не дѣлали перевязокъ; отъ этого, между прочимъ, въ 6 часовъ утра 20 октября умеръ ввѣреннаго вамъ полка Подпоручикъ Петровъ, раненый въ бою 27 сентября; рана, какъ оказалось, была хоть и тяжелая, но, безусловно, не смертельная, но такъ какъ *9 дней онъ пролежалъ безъ перевязки, то рана загнила и вызвала общее зараженіе, повлекшее смерть.* Нашихъ раненыхъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ въ лазаретѣ кормили очень плохо. Въ общемъ же отношеніе къ раненымъ здѣсь было таково, что остается впечатлѣніе, какъ-будто все это дѣлалось съ единственной цѣлью избавиться отъ лишней обузы.

5) Плѣнниковъ какъ здоровыхъ, такъ и раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ зачастую на ночь оставляли подъ открытымъ небомъ или, иногда, какъ это было съ нами, загоняли въ тѣсный сарай, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что большинство вынуждено проводить ночь стоя, а многіе лежали на голой землѣ.

6) Въ Радомѣ, по разсказу трехъ мѣстныхъ ксендзовъ, сестеръ милосердія и подпрапорщика Матющенки, —здоровыхъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ нѣмцы назначали на работы, причемъ *офицеры, какъ простые рабочіе, разгружали на ст. вагоны съ снарядами; двухъ раненыхъ офицеровъ - казаковъ заставили руками убирать въ отхожихъ мѣстахъ,* а когда они запротестовали, то *нѣмцы нанесли имъ четыре колотыя раны.* Здоровыхъ нижнихъ чиновъ плѣнниковъ впрягали въ телѣги и лазаретныя линейки и развозили на нихъ грузъ и раненыхъ, а на обратномъ пути *со смѣхомъ и гикомъ ѣхали сами.* Въ нашей партіи плѣнные до самаго Радома везли на себѣ 4 пушки и пулеметъ.

Вообще говоря, нѣмцы съ исключительнымъ презрѣніемъ и жестокостью относятся къ сдающимся въ плѣнъ здоровымъ, въ отношеніи же раненыхъ плѣнниковъ иногда все же, хотя и въ незначительной степени, проявляютъ состраданіе.

Подписалъ Штабсъ-Капитанъ *Самохваловъ*.

Сожженіе Сибирскаго стрѣлка на кострѣ.

9 октября, будучи на линіи желѣзной дороги у д. Пясечна, Подпоручикъ Столяренко былъ позванъ двумя офицерами автомобильной роты, чтобы быть свидѣтелемъ и донести по начальству о нижеслѣдующемъ: въ д. Хиличнахъ, среди бывшаго мѣсторасположенія противника, офицерами былъ обнаруженъ трупъ, голова и туловище котораго обуглились, а нижняя часть ногъ со связывающей ихъ веревкой осталась цѣла. По клокамъ мундира и шинели, уцѣлѣвшимъ на животѣ, можно безошибочно утверждать, что трупъ принадлежитъ нашему нижнему чину.

Подъ трупомъ сохранились остатки костра и большое количество гильзъ съ разорвавшимися капсюлями. Въ тѣлѣ, подъ истлѣвшими остатками одежды, усмотрѣно нѣсколько застрявшихъ пуль.

По указанной обстановкѣ представляется слѣдующая картина звѣрства:

Одинъ изъ взятыхъ въ плѣнъ нашихъ стрѣлковъ былъ связанъ и положенъ живымъ на костеръ съ патронами и, такимъ образомъ, замученъ. Тутъ же у тѣла лежали металлическія части (деревянныя сгорѣли): винтовка № 123.859 и предметы снаряженія нашего стрѣлка, также истлѣвшіе.

Во многихъ мѣстахъ поля вокругъ мѣста казни лежали части снаряженія нижнихъ чиновъ 3 Сибирскаго стрѣлковаго полка, такъ что весьма возможно, что и погибшій мученически на кострѣ былъ стрѣлокъ 3-го полка.

Фамиліи очевидцевъ: Штабсъ-Капитанъ Думбадзе, Поручикъ Сперанскій и вольноопредѣляющіеся: Ротвандъ и Израилевичъ.

Избіеніе плѣнныхъ конвойными.

Командиръ... Ливенскаго полка сообщаетъ, что рядовой Дьячковъ о своемъ пребываніи въ плѣну и о бѣгствѣ изъ плѣна разсказалъ слѣдующее:

28 августа 1914 года при отступленіи отъ гор. Нейденбурга я, рядовой 5-й роты Макаровъ, 12-й роты—фамиліи не помню, 16-й роты рядовой Григорій Проскуриновъ [1]) и той же роты младшій ун.-офиц. Демидовъ шли въ концѣ роты дозорными. На насъ стала надвигаться непріятельская цѣпь. Мы отходили, отстрѣливаясь.

Непріятель насѣдалъ, требовалъ положить оружіе, но мы не прекращали стрѣльбы. Разстрѣлявъ патроны, мы бросились въ штыки, часть изъ насъ прорвалась, а нѣкоторыхъ забрали въ плѣнъ. Нѣмцы тотчасъ же насъ обыскали, письма, ножи приказали выбросить. Все цѣнное взяли себѣ; шинели же намъ оставили. Всѣхъ плѣнныхъ собрали въ какомъ-то имѣніи, гдѣ я увидѣлъ плѣнныхъ и нашего полка...

Вскорѣ насъ построили въ колонну по 4 человѣка въ рядъ и подъ строгимъ конвоемъ повели сзади германской цѣпи. Движеніе германцевъ было направлено къ Инстербургу. Своихъ раненыхъ нижнихъ чиновъ мы несли сами.

Къ вечеру мы подошли, какъ я потомъ узналъ, къ цѣпи нашего.... Стрѣлковаго полка. Началась усиленная перестрѣлка; насъ, плѣнныхъ, поставили по обѣимъ сторонамъ шоссе; въ это время прошли мимо насъ, направляясь на Инстербургъ, два нѣмецкихъ полка. Стрѣльба впереди насъ все болѣе и болѣе усиливалась. Приблизительно около 11 часовъ вечера къ нашему расположенію подъѣхалъ какой-то конный нѣмецкій солдатъ и передалъ старшему изъ конвойныхъ какое-то приказаніе. *Тотчасъ же начались звѣрства нѣмцевъ,—насъ, плѣнныхъ, нѣмцы начали колоть штыками и бить прикладами. Когда я увидѣлъ, какъ конвойный вонзилъ штыкъ въ стоявшаго* со мной рядового 16-й роты Ивана Фатаркина и *тотъ, умирая, упалъ на землю,* я въ одинъ мигъ набросился сзади на этого конвойнаго, сшибъ съ ногъ и бросился бѣжать.

[1]) Находится на излеченіи въ госпиталѣ.

Одновременно бѣжали также рядовой 12-й роты (фамилію не помню) и раненый штыкомъ въ грудь рядовой Проскуриновъ. Бѣжали мы подъ сильнымъ обстрѣломъ, пока не добрались до кустарника; оттуда уже благополучно пошли дальше, пока не наткнулись на заставу нашего... Стрѣлковаго полка.

Разсказъ подпрапорщика Денисова, бѣжавшаго изъ нѣмецкаго плѣна.

Русскіе вице-консулы въ Голландіи.
По бокамъ—бѣжавшіе изъ плѣна, справа—подпрапорщикъ Антонъ Денисовъ, слѣва—мл. унт.-оф. Иванъ Банифатьевъ.

Подпрапорщикъ 12-й роты Сибирскаго полка Денисовъ бѣжалъ изъ германскаго плѣна съ младшимъ унтеръ-офицеромъ Бенифатьевымъ. Вотъ его разсказъ:

Послѣ боя у Брезинъ насъ окружили нѣмцы. Командиръ, собравъ остатки ротъ, сказалъ: «Братцы, кругомъ насъ большія

силы врага. Вы храбро дрались, задержали врага, отбивая всѣ его атаки.

Теперь остается намъ пробиться къ своимъ или умереть. Идемъ, братцы, въ атаку послѣдній разъ".

Командиръ крикнулъ «ура».... мы бросились за нимъ; завязался рукопашный бой.

Часть насъ пробилась къ полку; я съ товарищемъ были отрѣзаны и снова окружены нѣмцами. Завязался новый бой; мы стали отбиваться отдѣльными кучами. Нѣмцы подступали къ намъ все ближе и ближе; махали бѣлыми платками; требовали сдаться,—но мы не прекращали стрѣльбы и наносили врагу большія потери.

Къ вечеру наши ряды стали слабѣть. Нѣкоторые изъ насъ, разстрѣлявъ всѣ патроны, были обезоружены нѣмцами и взяты въ плѣнъ. Раненыхъ нѣмцы докалывали и добивали прикладами. У всѣхъ насъ отобрали хлѣбъ, затѣмъ стали стаскивать сапоги, шинели; срывали папахи. Изъ кармановъ вытащили не только деньги, но и всѣ вещи и письма, которыя были дороги только намъ.

Этотъ дикій грабежъ нѣмецкихъ разбойниковъ продолжался и въ городѣ Брезинахъ, куда нѣмцы пригнали всѣхъ нашихъ плѣнныхъ.

Съ нами былъ артиллеристъ 6-й Сибирской стрѣлковой бригады, онъ былъ убитъ у костела.

Артиллеристъ не давалъ нѣмцамъ сапогъ. Они повалили его на землю и стали стаскивать силой; онъ сопротивлялся,—тогда одинъ изъ нѣмцевъ выстрѣлилъ ему въ грудь; артиллеристъ вскрикнулъ и скоро затихъ. Нѣмцы стащили съ него сапоги и обшарили всѣ карманы.

12 ноября при насъ взяли въ плѣнъ нѣсколько раненыхъ казаковъ. Надъ ними нѣмцы грубо издѣвались, били ихъ. Казаки вели себя гордо и мужественно переносили всѣ пытки. Вечеромъ ихъ разстрѣляли. Тѣла казаковъ были брошены у костела. Изъ Брезинъ повели насъ къ границѣ, почти раздѣтыхъ, безъ сапогъ и шинелей. Многіе изъ насъ были раненые, больные. Шли мы 6 дней. Насъ не кормили. Подведутъ къ ямѣ съ картошкой или свеклой и кричатъ: „ѣшьте, русскія свиньи".

Раненые, истекая кровью, шли версты двѣ. Хотя мы другъ друга всю дорогу и поддерживали, но раненые и больные, выбившись изъ силъ, отставали и падали. Отсталыхъ нѣмцы всѣхъ убивали.

До границы насъ не дошло и половины. Здѣсь посадили насъ въ грязные вагоны. Въ каждый вагонъ набили человѣкъ по 80—90. Везли насъ съ запертыми дверями.

Окошекъ не было. Духота—невыносимая. Отъ истощенія и тѣсноты нѣкоторые умирали. Мы ихъ клали къ стѣнкѣ вагона. Стонъ, крики раненыхъ и больныхъ наводили на всѣхъ ужасъ. При видѣ всѣхъ этихъ страданій нѣкоторые изъ насъ близки были къ сумасшествію. Я нѣсколько разъ плакалъ. Наконецъ, въ Берлинѣ наши вагоны открыли. Мертвыхъ изъ вагоновъ мы вынесли. Намъ дали жидкаго супу и по небольшому куску хлѣба (хлѣбъ былъ съ соломою), но мы были готовы есть и камни...

Къ вечеру на другой день насъ привезли въ городъ Везель. Отвели въ лагерь плѣнныхъ. Жизнь здѣсь была полна мученій. Насъ размѣстили въ досчатыхъ баракахъ; пола не было; спали мы на землѣ; ни коекъ, ни матрацевъ не давали. Бросили намъ немного соломенной трухи, которой хватило только подъ головы. Нѣкоторые изъ насъ были босые и въ однихъ рубашкахъ, а морозы были градусовъ 10—12 Спали мы рядкомъ другъ къ другу и грѣлись собственными тѣлами. Очень одолѣвали насъ вши и блохи. Нѣкоторыхъ вши прямо съѣдали. Тѣло у нихъ было до крови исцарапано и отъ истощенія висѣло на костяхъ.

Среди плѣнныхъ было много больныхъ сыпнымъ тифомъ. Особенно болѣли въ нашемъ баракѣ. Умирали по 2—4 человѣка ежедневно. Будили насъ въ 5 часовъ утра и гнали на работы. Запрягали въ телѣги и возили на насъ камни, песокъ, бочки съ нечистотами и разный мусоръ. Копали мы и глубокія канавы. Работали всѣ безъ исключенія. Кто въ работѣ отставалъ или отъ усталости падалъ, того били прикладомъ, каблуками... Били по чемъ попало... Отъ непомѣрно тяжелыхъ работъ и побоевъ много плѣнныхъ умирало.

Обращеніе съ нами было жестокое, унизительное; били за малѣйшее ослушаніе. Нѣкоторымъ связывали руки ре-

зиновымъ шнуромъ и такъ заставляли стоять нѣсколько часовъ.

Писать письма на родину разрѣшали, но изъ Россіи рѣдко кто получалъ письма.

Для униженія плѣнныхъ нѣмцы придумывали всевозможные способы. Водили насъ по улицамъ города въ теченіе 5 часовъ; при этомъ, безъ всякой надобности, а просто для того, чтобы позволить нѣмецкому сброду издѣваться и глумиться надъ нашими плѣнными.

Водить плѣнныхъ по городу старались въ праздники, когда населеніе было болѣе свободно...

Если же у нѣмцевъ были празднества, по случаю „побѣдъ“ (а побѣды эти были почти черезъ день), тогда глумленія надъ плѣнными доходили до неистовства... Ругань, побои сыпались на плѣнныхъ со всѣхъ сторонъ.

Раненые и больные не въ силахъ были ходить въ теченіе 4—5 часовъ по улицамъ города, отставали,—на нихъ и обрушивался весь нѣмецкій сбродъ. Это были звѣри, а не люди.

На Пасхѣ изъ нашего барака бѣжало нѣсколько человѣкъ; однако, изъ нихъ двухъ поймали. Привели въ баракъ; показывали намъ, какъ неудачныхъ бѣглецовъ, и потомъ увезли куда-то,—но насъ это не устрашило. Задуманный планъ побѣга рѣшили выполнить. Случай скоро представился. Была темная ночь. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Мы подпилили рѣшетку въ стѣнѣ и тихонько вышли на волю. Часовой насъ не замѣтилъ, такъ какъ шумъ дождя заглушалъ наши шаги. Изъ лагеря мы выбрались въ лѣсъ и шли 6 дней. Питались листьями и мохомъ. На 6-й день вышли къ голландской границѣ. Были страшно изнурены и еле-еле передвигали ноги (но въ плѣну на работахъ было еще тяжелѣе). На границѣ голландцы насъ отлично приняли. Очень обрадовались, когда узнали, что мы русскіе солдаты. Здѣсь насъ одѣли, накормили и дали денегъ. Пришелъ къ намъ бургомистръ, сталъ разспрашивать, кто мы такіе, свелъ насъ на вокзалъ, купилъ билеты до города Роттердама. Голландцы очень были любезны къ намъ, провожали насъ, дарили намъ сигары, булки. Вечеромъ мы пріѣхали въ Роттердамъ въ

русское консульство, здѣсь насъ обласкали, приняли, какъ родныхъ. Снимались мы съ вице-консулами. Гуляли въ Роттердамѣ болѣе недѣли, потомъ поѣхали въ Лондонъ и черезъ Швейцарію возвратились въ Россію.

Дневникъ военноплѣннаго.

Выдержки изъ дневника, который велъ во время нахожденія въ плѣну въ Германіи рядовой 6-й роты Л.-Гв. Семеновскаго полка, Василій Кузнецовъ, счастливо бѣжавшій изъ плѣна.

24 февраля.

Пріѣхали въ городъ Бютовъ, въ которомъ насъ размѣстили по баракамъ. Скука страшная. Была разбивка, дали каждому личный номеръ, мой номеръ 13094. Чувствую себя очень скверно, точно въ тюрьмѣ. Кругомъ всѣхъ бараковъ проволочныя загражденія. По серединѣ всего городка для плѣнныхъ стоитъ караульное помѣщеніе, гдѣ имѣются двѣ пушки, дула которыхъ смотрятъ на насъ. По двору ходятъ нѣмецкіе патрули.

1 марта.

Что за жизнь, прямо-таки ужасъ. Помѣщаемся въ баракѣ, лежимъ тамъ человѣкъ на человѣкѣ, даны намъ по одѣялу и мѣшокъ на двоихъ. Все это пропитано вшами, ночью не уснуть до полночи, все отбиваешься отъ вшей, а потомъ уже, выбившись изъ силъ, забываешься на нѣсколько часовъ, чтобы утромъ встать и начинать опять давить этихъ противныхъ паразитовъ. На тѣла нѣкоторыхъ ужасно смотрѣть, все ободрано до крови. Благодаря Бога, я чувствую сегодня себя здоровымъ, а то три дня едва передвигалъ ноги. Да оно почти было и лучше, потому что я не чувствовалъ того голода, который приходится испытывать теперь, думаю что въ состояніи былъ бы *съѣсть нѣмца съ костями.* Слава Богу, я сейчасъ пообѣдалъ, но это чортъ знаетъ, что за обѣдъ, у насъ въ Россіи, когда откармливаютъ свиней, тогда ихъ лучше кормятъ. Обѣдъ нашъ состоялъ изъ кипяченой

воды съ морковью, почти не чищеной, и больше ничего; да пол-фунта хлѣба, который выдаютъ утромъ на сутки, съѣдаешь сразу же его, какъ хорошее пирожное, несмотря на то, что хлѣбъ печется пополамъ съ картошкой. Нѣмцы, при взятіи въ плѣнъ, отобрали все, что имъ понравилось, а если русскій солдатъ не хочетъ отдать, то нѣмецъ безцеремонно вытаскиваетъ штыкъ и при дальнѣйшемъ отказываніи готовъ его пустить въ дѣло противъ обезоруженнаго врага.

6 марта.

Сегодня была у насъ прогулка. Погода очень скверная: морозъ и довольно сильный вѣтеръ, идетъ снѣгъ. Нѣмецъ-фельдфебель кричитъ на насъ, точно разсерженный индюкъ, вѣроятно, кричитъ отъ того, что плохо ходимъ, а гдѣ же мнѣ хорошо ходить, когда я голоденъ, какъ собака, походивъ съ четверть часа, я совершенно ослабъ; если бы теперь сдѣлали переходъ, я не въ состояніи перейти болѣе пяти верстъ, а вѣдь приходилось дѣлать переходы по 40 верстъ и, по приходѣ на бивакъ, чувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобы еще двигаться дальше.

9 марта.

„Лисица и во снѣ куръ считаетъ“, въ этомъ отношеніи мы даже перещеголяли и лисицъ,—ложимся спать—на умѣ кушанья, отъ которыхъ слюнки текутъ, и во снѣ постоянно находишься дома и обязательно что-нибудь ѣшь. Отношеніе нѣмцевъ къ плѣннымъ очень строгое: за то, что курилъ въ баракѣ—10 сутокъ строгаго ареста, за то, что хотѣлъ стащить морковь съ кухни—7 сутокъ, а за то, что ослушался проводника такого же плѣннаго, котораго нѣмцы называютъ капраломъ—14 сутокъ строгаго ареста.

12 марта.

Скоро придетъ, навѣрно, такое время, что не въ состояніи буду даже писать. Силы слабѣютъ не по днямъ, а по часамъ. На прогулкахъ, которыя бываютъ теперь ежедневно вдоль проволочнаго загражденія, сдѣлавъ около версты, нѣтъ больше силъ, чтобы двигаться, и тайкомъ удираешь въ ба-

ракъ, гдѣ падаешь въ совершенномъ изнеможеніи на нары и лежишь безъ всякаго движенія до обѣда. Идешь съ трудомъ получить свою несчастную порцію супу (около 3 чайныхъ стакановъ), которую проглатываешь съ волчьимъ аппетитомъ. Сегодня сошлось насъ нѣсколько человѣкъ Семеновцевъ 6 роты, лица сдѣлались неузнаваемыми, въ лицѣ ни кровинки, видны одни только блестящіе глаза, носъ и скулы. Хотятъ насъ посылать на работу, но какой же теперь изъ меня работникъ, если я не въ состояніи двигаться. О мирѣ какъ-то теперь не стало слышно обычныхъ рѣчей. Каждый ушелъ въ себя, у всѣхъ на умѣ одно, какъ бы заглушить голодъ, который мучитъ. Только послѣ обѣда и ужина немного между собою говорятъ.

15 марта.

До чего нѣмецъ довелъ русскаго плѣннаго солдата: приходится видѣть такія картины, что даже глазамъ не вѣрится. Напримѣръ: *послѣ обѣда, нѣкоторые ходятъ и собираютъ на полу остатки отъ ѣды: гнилую картошку и кости для того, чтобы, хотя чѣмъ-нибудь, набить свой желудокъ.* Нѣкоторые забираются въ помойную яму и выбираютъ оттуда все, что кажется съѣдобнымъ, а помойная яма такъ воняетъ, что, когда мимо проходишь, то приходится отворачиваться. А вѣдь сегодня Вербное Воскресеніе. Какъ хочется въ такіе дни домой.

21 марта.

Вотъ уже какъ два мѣсяца въ плѣну, сколько мнѣ приходилось встрѣчать нѣмцевъ, но въ большинствѣ они такіе, которые безъ всякой вины бьютъ по физіономіи плѣнныхъ. Сегодня гоняли насъ на вытравливаніе вшей; просидѣли мы раздѣтыми подъ одними одѣялами съ 6 часовъ утра до 12 часовъ дня, но вшей вытравить нельзя было. Придя въ баракъ, погнали насъ для подкожнаго вспрыскиванія, вотъ уже въ третій разъ. *Завтра Пасха. Но что она намъ дастъ, кромѣ голода, горя и слезъ.* Я не знаю, что со мной сегодня творится. Сердце готово разорваться на части. Да, какъ видно, и другимъ не легче, у многихъ на глазахъ видны слезы. О, Боже, скоро ли будетъ миръ, если война продол-

жится еще мѣсяца два, то не придется дожить до заключенія мира.

22 марта.

Привелъ Господь дожить до праздника Воскресенія Христова. Но что сдѣлали нѣмцы въ этотъ великій день, они заставили насъ мыть полъ въ пустомъ баракѣ. Разговѣться пришлось брюквою. Въ 4 часа утра напоили насъ черным кофе, въ 7 часовъ утра выдали по пол-фунта хлѣба. Я не зналъ, что сдѣлать съ хлѣбомъ: съѣсть ли его сразу или оставить до обѣда. Рѣшилъ оставить до обѣда. Въ 11 часовъ утра пришли съ работы съ кухни товарищи и принесли мороженой брюквы, которой я и разговѣлся. На обѣдъ была вода съ рисомъ и по одной сливѣ на человѣка. *Всю свою жизнь не забуду подобной Пасхи.*

26 марта.

Ѣдемъ въ закрытыхъ вагонахъ. За весь день дали два раза немного пустого супу, хлѣба совсѣмъ не давали.

28 марта.

Стоимъ на одной изъ станцій въ 25 верстахъ отъ нашей Сувалкской губерніи. Со вчерашняго дня намъ не даютъ ничего ѣсть, хотя теперь три съ половиною часа дня. *Нѣкоторые плѣнные кричатъ конвою: „застрѣлите насъ или дайте ѣсть“.*

29 марта.

Въ 3 часа утра пріѣхали въ городъ Сувалки, занятый нѣмцами; насъ помѣстили въ казармахъ 17 стрѣлковаго полка. Наша позиція въ 11 верстахъ отъ Сувалокъ. Какъ хочется бѣжать къ своимъ. Плѣнныхъ насъ здѣсь около 5 тысячъ человѣкъ. Только и разговору, какъ объ устройствѣ побѣга. Видны наши артиллерійскіе взрывы.

30 марта.

Живешь, какъ свинья, умываться нельзя, спать приходится на голомъ асфальтовомъ полу. Въ 5 часовъ утра даютъ намъ два стакана чаю и фунтъ хлѣба на цѣлый

день, потомъ выстраиваютъ въ 4 ряда и отправляютъ командами на работу: *рыть окопы* и чинить дороги. Меня послали очищать площадь отъ навозу. Работать пришлось до 4 часовъ дня подъ холоднымъ дождемъ. Промокъ насквозь, по приходѣ въ казармы, осушиться негдѣ. Въ 4 часа 30 мин. дня дали супу безъ хлѣба.

31 марта.

Былъ посланъ на работу—зарывать павшихъ лошадей. Проходилъ верстъ двадцать, въ 7 часовъ вечера съ трудомъ дотащился обратно, получилъ свою порцію супа и нѣмецъ ударилъ меня тесакомъ по спинѣ, за то, что, идя въ казарму, сталъ ѣсть на ходу, я же былъ голоденъ хуже собаки.

4 апрѣля.

Ходимъ ежедневно на работу. *Съ трудомъ передвигаешь ногами, но нѣмецкая палка заставляетъ двигаться быстрѣе.* Утромъ выгоняютъ на работу рано, вечеромъ возвращаемся поздно, писать нѣтъ времени.

11 апрѣля.

Что нѣмцы дѣлаютъ съ нашими церквами. Въ одной изъ церквей они поставили своихъ лошадей и, когда лошадь пала, то она тамъ лежала нѣсколько дней, туда же загнали плѣнныхъ, гдѣ ихъ закрыли и не выпускали трое сутокъ, такъ что они принуждены были испражняться въ церкви. Въ другой церкви сдѣлали складъ муки. Былъ сегодня на работѣ въ лѣсу, откуда есть возможность убѣжать. Подговорилъ себѣ товарища и рѣшилъ завтра пойти на работу съ этой же партіей и удрать къ своимъ. Дай Богъ, чтобы задуманный планъ прошелъ бы благополучно“. . . . . .

Рядовой Кузнецовъ съ рядовымъ Сергѣевымъ бѣжали 12 апрѣля изъ плѣна и послѣ трехдневнаго скитанія въ лѣсу безъ пищи пробрались черезъ нѣмецкіе окопы и пришли къ своимъ.

Рядовой стрѣлокъ Максимовъ, снятый въ русскомъ консульствѣ въ Голландіи.

Ефрейторъ 3 роты Сибирскаго стрѣлковаго полка Максимовъ ухитрился бѣжать изъ лагеря военноплѣнныхъ въ Везелѣ и пробрался въ Голландію, не зная ни одного иностраннаго языка; при томъ въ своемъ военномъ облаченіи— въ шинели, съ вещевымъ мѣшкомъ на спинѣ, въ довершеніе всего—въ огромной папахѣ.

Разстрѣлъ Оренбургскихъ казаковъ.

Рядовой .... Сибирскаго стрѣлковаго полка Игнатій Калининъ, счастливо бѣжавшій изъ германскаго плѣна, разсказываетъ:

Я былъ взятъ въ плѣнъ у Брезинъ. 14 ноября меня отправили, какъ и другихъ нашихъ плѣнныхъ, въ лагерь военноплѣнныхъ. Въ лагеряхъ почему-то 20/IV повѣрки не было и я этимъ воспользовался съ рядовымъ Парсюкомъ. Ночью мы перелѣзли двѣ каменныя высокія стѣны съ колючей проволокой и вышли черезъ лѣсъ въ городъ Фридрихсфельдъ. На пути встрѣтили большое препятствіе—рѣку Исиль; я переплылъ ее, но Парсюкъ не рѣшился плыть, съ тѣхъ поръ я его и не видѣлъ. До голландской границы я бѣжалъ одинъ, ночью шелъ черезъ города, а днемъ лѣсомъ. 11 мая я пріѣхалъ въ Россію.

Въ тотъ день, когда насъ взяли въ плѣнъ — разсказываетъ И. Калининъ — многіе изъ насъ были свидѣтелями гнуснаго звѣрства нѣмцевъ. Я вмѣстѣ съ другими нижними чинами сидѣлъ за горкой, около нѣмецкаго резерва. Нѣмцевъ было роты четыре. Вдругъ мы видимъ, какъ изъ лѣсу, который былъ совсѣмъ рядомъ съ нѣмцами, выѣхали 8 нашихъ Оренбургскихъ казаковъ, и наѣхали сразу вплотную на нѣмцевъ. Старшій изъ нихъ схватился за шашку, но тутъ раздался выстрѣлъ, и онъ упалъ назадъ, зацѣпившись ногой за стремя. Подбѣжали нѣмцы, окружили казаковъ и всѣхъ спѣшили. Убитаго казака столкнули съ сѣдла и лошадь увели. Остальныхъ казаковъ выстроили въ рядъ около канавы. Подошелъ къ нимъ унтеръ-офицеръ, затѣмъ офицеръ и что-то приказалъ. Вышло нѣсколько человѣкъ нѣмцевъ, построились противъ казаковъ, и взяли ружья на изготовку. Прицѣлились въ казаковъ. Старшій махнулъ платкомъ, раздался залпъ; казаки упали; ихъ стали бить прикладами, докалывать штыками. Это дикое звѣрство происходило на нашихъ глазахъ.

Съ нами былъ одинъ казакъ, онъ заплакалъ и говорилъ: *„смотрите, братцы, васъ хоть въ плѣнъ берутъ, а насъ звѣрски убиваютъ“*. Это гнусное звѣрство продѣлывалъ какой-то полкъ съ № 28 на каскахъ.

На пути къ границамъ Германіи и въ лагеряхъ военно-плѣнныхъ мы завидовали судьбѣ казаковъ, которыхъ убили нѣмцы, — такъ какъ жизнь въ плѣну была полна мученій. Непосильная, тяжелая работа, голодъ и разныя болѣзни ежедневно уносили много жертвъ. Всѣ мы умирали медленной, голодной смертью. Нѣкоторые не выносили этихъ мукъ, кричали: *застрѣлите! убейте насъ или дайте ѣсть!*

Исповѣдь штабсъ-капитана Жилкинскаго.

Командиръ второй роты Г-скаго полка, *штабсъ-капитанъ Жилкинскій* разсказываетъ: „14 августа, у мѣстечка П., на исходѣ второго дня боя, въ густомъ лѣсу я столкнулся съ превосходными силами австрійцевъ лицомъ къ лицу. Обстрѣлявъ ихъ, я, въ свою очередь, былъ обстрѣлянъ ими. Такъ какъ перестрѣлка велась на разстояніи 30—40 шаговъ, то они отлично меня видѣли и въ теченіе какой-нибудь минуты меня разрѣшетили. Въ одной изъ ранъ рентгеновскими лучами обнаружено было до 60 осколковъ, часть которыхъ извлечена, значитъ, стрѣляли въ меня не только простыми, но и разрывными пулями. Но этого мало. Когда я упалъ, израненный, на землю, а мои люди были перебиты и переранены, ко мнѣ бросилось нѣсколько австрійцевъ. Какъ собаки кость, начали они трепать меня. Одинъ сорвалъ съ меня призматическій бинокль, другой шашку, третій сорвалъ револьверъ вмѣстѣ съ снаряженіемъ, а четвертый, опоздавъ къ грабежу, началъ добивать меня, безсильнаго и лежавшаго, штыкомъ. Но хранилъ меня Господь.

Штыкъ ли былъ тупой, или солдатикъ дрянненькій: но онъ только испортилъ мнѣ „говядину“, какъ говорятъ солдаты, не повредилъ важныхъ органовъ. Сдѣлавъ свое скверное дѣло, австрійцы разбѣжались, а одинъ унтеръ-офицеръ (австрійскій же) поднялъ меня и потихоньку повелъ къ себѣ. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ какой-то пробѣгавшій мимо солдатъ-австріецъ хватилъ меня со всего размаху прикладомъ въ спину. Я застоналъ и полетѣлъ было на землю, но мой провожатый унтеръ-офицеръ

поддержалъ меня и что-то крикнулъ злодѣю. Въ плѣну я часовъ пять валялся безъ перевязки и даже безъ рубахи, которую порвалъ на бинты, пока, наконецъ, попалъ на перевязочный пунктъ, гдѣ врачъ-итальянецъ меня перевязалъ.

На другой день меня отбили наши. Въ этомъ бою я получилъ всего 15 раненій, а изуродованный бокъ и боль спины, вѣрно, на всю жизнь останутся показателями „культурности нашихъ враговъ“.

Такова исповѣдь капитана Жилкинскаго.

Нѣмецкіе санитары-мародеры.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ штабъ одной изъ дивизій на прусскомъ фронтѣ явился человѣкъ въ оборванномъ штатскомъ платьѣ, который назвался солдатомъ 11-го полка Зубовымъ, и, на вопросъ начальника штаба о томъ, какъ онъ очутился въ штатскомъ платьѣ, разсказалъ слѣдующее:

7 ноября я былъ отправленъ отъ своей роты въ дозоръ и неожиданно наткнулся на непріятельскіе окопы, откуда меня осыпали градомъ пуль. Въ одной изъ схватокъ Зубовъ былъ раненъ, скоро лишился чувствъ.

Когда я очнулся, — разсказываетъ Зубовъ, — была уже ночь; но луна ярко свѣтила, временами прячась за проходившими по небу облаками. Картина, которую я увидѣлъ вокругъ себя, была, поистинѣ, ужасна. Три нѣмецкихъ санитара обходили убитыхъ и раненыхъ, обыскивая ихъ и отбирая все цѣнное (попросту, грабили). При этомъ они безъ сожалѣнія убивали штыками тѣхъ изъ раненыхъ, которые пробовали противъ этого протестовать.

„Они убивали какъ чужихъ, такъ и своихъ. Видя, что они направляются въ мою сторону, я притворился мертвымъ и съ ужасомъ ждалъ ихъ приближенія, лишь изрѣдка, боясь пошевелиться, поглядывая на нихъ. Меня спасло слѣдующее обстоятельство: черезъ нѣсколько минутъ санитары начали ссориться возлѣ одного изъ труповъ, повидимому, изъ-за добычи. Поругавшись, они разошлись въ разныя стороны, рѣшивъ, должно-быть, грабить поодиночкѣ“.

Съ ужасомъ увидѣлъ я, что одинъ направился въ мою сторону, но, къ счастью, онъ возлѣ меня не остановился, а лишь наступилъ мнѣ тяжелымъ сапогомъ на лицо и, выругавшись, быстро пошелъ по направленію къ своимъ.

Выждавъ нѣкоторое время, я поползъ къ ближайшей деревушкѣ, гдѣ меня пріютили, перевязали раны. Но кошмарную ночь шакаловъ-санитаровъ не забуду всю жизнь.

Стрѣлокъ-развѣдчикъ Троицкій.

Стрѣлокъ-развѣдчикъ Троицкій, изъ крестьянъ Томской губерніи. Въ серединѣ апрѣля, находясь въ развѣдкѣ, былъ окруженъ нѣмецкимъ разъѣздомъ и взятъ въ плѣнъ. Пробылъ у нѣмцевъ въ Скерневицахъ около мѣсяца, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ и мученіямъ. Бѣжалъ изъ плѣна въ первыхъ числахъ мая. Вылѣзъ изъ халупы черезъ неисправную трубу. Нѣмцы его замѣтили, когда онъ былъ уже далеко. За нимъ гнались 12 нѣмцевъ, все время стрѣлявшихъ. Герой бросился въ рѣку Бзуру, переплылъ ее подъ выстрѣлами и, почти голый, достигъ нашихъ позицій.

Теперь герой среди своихъ, среди доблестныхъ, грозныхъ рядовъ великой русской арміи. Снова жаждетъ сразиться съ подлымъ врагомъ и отомстить за издѣвательство и униженіе товарищей, томящихся въ нѣмецкомъ плѣну.

Разстрѣлъ плѣнныхъ въ сараѣ.

Послѣ упорной, неравной борьбы въ Восточной Пруссіи у озера К. одна изъ нашихъ ротъ была окружена нѣмцами и, несмотря на всѣ попытки пробиться къ своимъ, не имѣла успѣха. Разстрѣлявъ всѣ патроны, рота бросилась на врага въ штыки. Часть роты пробилась, а нѣсколько человѣкъ попали въ плѣнъ. Плѣнныхъ пригнали въ деревню и заперли въ большомъ сараѣ. Плѣнные не имѣли ни хлѣба, ни воды. Тяжело раненые лежали у стѣнокъ сарая; легко раненые и слабые стояли плотно другъ къ другу, такъ какъ въ тѣснотѣ не было возможности ни присѣсть, ни лечь. Такъ прошелъ

Стрѣлокъ-развѣдчикъ Троицкій.

Снятъ немедленно послѣ прибытія изъ плѣна, въ случайной чужой шинели и сапогахъ.

день. Вечеромъ вблизи все время была слышна перестрѣлка. Огонь то усиливался, то снова смолкалъ. Нѣмцы были чѣмъ-то встревожены, часто забѣгали въ сарай и осматривали его стѣны и углы. Въ отвѣтъ на всѣ просьбы плѣнныхъ дать хоть воды, кололи штыками. Когда же начало темнѣть, сарай заперли. Плѣнные не спали. Измученные, голодные, ждали голодной смерти. Силы ихъ слабѣли. Ночную тишину нарушали стоны, смѣхъ враговъ и стукъ колесъ. Въ щели сарая плѣнные увидѣли, что во дворѣ остановились пулеметы. Смѣхъ и крики враговъ не умолкли. Вдругъ плѣнники увидѣли, что пулеметы направляютъ въ сарай. Ужасъ охватилъ всѣхъ. Одинъ закричалъ. Но тотчасъ же раздалась стрѣльба. Пули съ трескомъ рѣшетили сарай и минутъ черезъ 6 изъ всѣхъ плѣнныхъ осталось трое едва живыхъ. Вскорѣ двое умерли въ страшныхъ мученіяхъ. Нѣмцы со смѣхомъ разстрѣливали остальныхъ и кончили стрѣльбу, когда изъ сарая уже не было слышно ни одного стона. Одинъ плѣнный лежалъ въ серединѣ труповъ и притворился мертвымъ. Утромъ до него донеслась орудійная стрѣльба; она все усиливалась и вскорѣ смѣшалась съ трескомъ пулеметовъ. Плѣнный слышалъ, какъ во дворѣ поднялась паника, какъ нѣмцы кричали, бѣгали. Потомъ все стихло... и громкое русское „ура“ охватило деревню. Плѣнникъ былъ спасенъ и разсказалъ подробно о звѣрствахъ нѣмцевъ.

Евстратъ Бойко.

Изъ Парижа, при содѣйствіи нашего военнаго агента, въ Россію отправленъ казакъ Евстратъ Бойко, который былъ взятъ нѣмцами въ плѣнъ подъ Ченстоховомъ и затѣмъ посланъ ими на западный фронтъ на принудительныя работы.

Убивъ сторожившихъ его солдатъ и пробравшись черезъ проволочныя загражденія нѣмецкихъ траншей, Бойко попалъ въ линію расположенія французскихъ войскъ.

За взятіе въ плѣнъ германскаго офицера, Бойко былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ, а во Франціи генералъ Жоффръ пожаловалъ ему высшій французскій военный орденъ „военную медаль“—за смѣлый побѣгъ изъ непріятельскаго плѣна.

Путь плѣнныхъ въ Германію. Унизительныя работы.

Сибирскаго полка 14 роты унтеръ-офицеръ Лука Андрющенко, бѣжавшій изъ германскаго плѣна, разсказываетъ: 10 ноября я вмѣстѣ съ другими стрѣлками былъ взятъ въ плѣнъ подъ Брезинами. Нѣмцы загнали насъ въ костелъ, гдѣ мы и ночевали. На другой день, когда проходили по улицѣ гор. Брезинъ, мы видѣли, какъ нѣмцы разстрѣливали нашихъ казаковъ. По Польшѣ насъ вели 7 дней, хлѣба не давали. Питались сырой свеклой, которую находили въ ямахъ. Нѣкоторые плѣнные отъ голода и истощенія не могли идти и падали,—нѣмцы подталкивали ихъ прикладами, каблуками и многихъ прикалывали; били насъ, по чемъ попало. Нѣмецкіе конвойные, замѣтивъ на комъ-либо изъ насъ хорошіе сапоги, немедленно отбирали ихъ себѣ. Одинъ солдатикъ не хотѣлъ давать своихъ сапогъ и побѣжалъ въ середину строя нашихъ солдатъ,—но конвойный догналъ его и такъ сильно ударилъ по носу кулакомъ, что разбилъ весь носъ,—кровь хлынула изо рта и носа; солдатъ лишился чувствъ Сапоги съ него стащили. Пришлось идти—босому, а морозъ былъ градусовъ 8.

Въ общемъ, съ нами ужасно безчеловѣчно, грубо обращались.

17 ноября мы пришли на станцію желѣзной дороги, здѣсь намъ выдали по 2 фунта хлѣба—на двоихъ. Отъ границы насъ направили въ Германію. Въ вагоны посадили человѣкъ по 80. Хотя вагоны и были больше нашихъ по размѣрамъ, но все-таки было невозможно тѣсно. Вагоны были грязны. Въ вагонѣ насъ заперли и не открывали цѣлыя сутки; не кормили и даже не выпускали для отправленія естественной надобности,—приходилось все дѣлать тутъ же въ вагонѣ. Духота была нестерпимая. Нѣкоторые лишились чувства и лежали въ углахъ вагона. Первый разъ вагоны открыли въ Берлинѣ. Здѣсь дали намъ какого-то жидкаго супа,—это была первая горячая пища за все время нашего плѣна. Въ нашемъ вагонѣ дорога прошла еще, сравнительно, благополучно; но въ другихъ вагонахъ плѣнные умирали отъ духоты и голода. Мнѣ говорили, въ одномъ вагонѣ умерло нѣсколько человѣкъ.

Изъ Берлина насъ повезли въ Везель.

Нѣмцы были страшно озлоблены противъ насъ. Бросали въ насъ камни, ругали,—таково же было отношеніе къ намъ конвойныхъ и желѣзнодорожныхъ.

На третій день насъ, измученныхъ вконецъ, привели въ лагерь военноплѣнныхъ.

Кормили насъ такъ плохо, только, чтобы мы не умирали съ голоду. Хлѣба, выпеченнаго пополамъ съ картофелемъ, до 20 февраля давали каждому $^1/_2$ фунта, а затѣмъ по $^1/_4$ фунта. Съ голоду бросались мы даже на картофельную шелуху, когда кашевары выбрасывали ее на дворъ; подбирали и обрѣзки картофеля, свеклы изъ помойныхъ ямъ и ѣли сырыми.

Нѣмцы же, пользуясь всякимъ случаемъ показать свою силу и власть, не позволяли этимъ лакомиться, разгоняли голодныхъ тесаками, нанося намъ даже раны.

Всѣ мы исхудали ужасно. Смертность между нами была очень большая. Я знаю, что за послѣднія двѣ недѣли умерло нашихъ 45 человѣкъ. Умирали прямо съ голоду, отъ истощенія.

Несмотря на постоянную голодовку, работа у насъ была изнурительная.

Носили на себѣ по нѣсколько верстъ бревна и другія тяжести; очищали отхожія мѣста, возили бочки съ нечистотами.

Впрягали насъ человѣкъ по 16 въ тяжелую желѣзную борону и приказывали вспахивать почву.

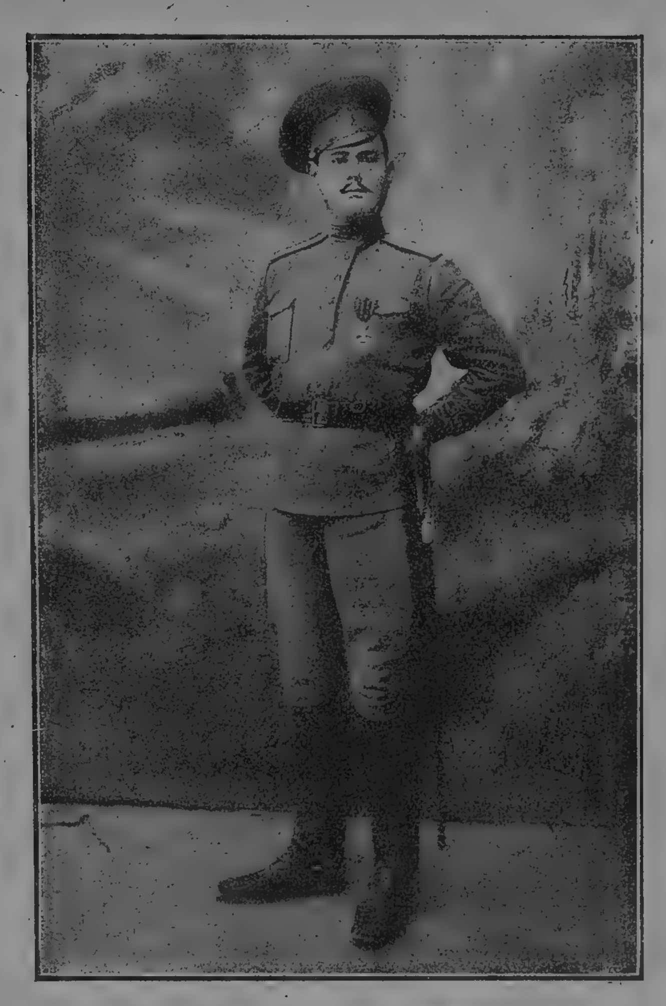
Нѣмцы и на работахъ обращались съ нами безчеловѣчно, прямо по-звѣрски.

Били прикладами и палками положительно всѣхъ, и я думаю, что изъ насъ не было ни одного не битаго солдата.

Усталые и голодные—мы не имѣли возможности провести ночь въ теплѣ. Всю зиму мы прожили въ конюшняхъ безъ всякаго отопленія. На дворѣ былъ морозъ градусовъ 12 и ниже, а у насъ въ помѣщеніяхъ 3° морозу. Настолько было холодно, что мы спали, прижавшись другъ къ другу. У кого были шинели—тому хорошо, все-таки было на чемъ спать и прикрыть другого.

Нѣкоторые же были босы и безъ рубахъ...

Страшно вспомнить, что было, и какъ остались мы живы, одному Богу извѣстно.

Прапорщикъ Ляпинъ—21 Донского казачьяго полка.

Герой, избѣжавшій позорнаго нѣмецкаго плѣна.

17 августа, пробиваясь въ Восточной Пруссіи изъ кольца окружавшихъ нѣмцевъ, нѣсколько разъ бросался въ атаку на батарею, чѣмъ способствовалъ нашей колоннѣ пробиться къ границѣ. Въ критическій моментъ увлекъ за собою пробивающихся со словами: „Ребята, здѣсь каждая секунда дорога. За Вѣру, Царя и отечество, за мной впередъ! Пробьемся или умремъ съ честью“.

Мученическая смерть казака Анохина.

Семенъ Анохинъ получилъ въ одномъ изъ сраженій нѣсколько тяжелыхъ ранъ. Наши должны были отступить передъ подавляющими силами германцевъ и не успѣли подобрать раненыхъ. Анохинъ былъ взятъ нѣмцами, которые отнесли его въ сарай и начали надъ нимъ издѣваться. Обезумѣвшіе нѣмцы вымещали на несчастномъ раненомъ казакѣ свою злобу: били его прикладами и каблуками по головѣ, груди, лицу. Послѣ этихъ побоевъ Анохинъ потерялъ сознаніе.

Въ довершеніе всего, нѣмцы вырвали изъ его бороды всѣ волосы и буквально содрали съ его лица всю кожу.

Дальнѣйшія истязанія нѣмцы должны были прекратить, такъ какъ наши войска молодецкимъ натискомъ опрокинули и обратили непріятеля въ бѣгство. Мучители оставили истекавшаго кровью Анохина въ сараѣ, а сами бросились бѣжать.

Когда наши отбили Анохина, они привезли его въ лазаретъ Краснаго Креста... Видъ несчастнаго казака заставилъ всѣхъ содрогнуться. Вмѣсто лица—кровавая маска. Зубы всѣ выбиты. На подбородкѣ сплошная кровавая рана отъ вырванныхъ съ корнемъ волосъ бороды. На тѣлѣ многочисленные слѣды побоевъ, синяковъ и т. д.

Нечего было и думать о спасеніи жизни несчастнаго казака, стонавшаго отъ невыразимыхъ мученій. Надо было лишь облегчить его страданія.

Пытки у австрійцевъ.

Леонтій Гончарукъ, 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка, заявилъ, что за побѣгъ изъ плѣна изъ Перемышля онъ былъ подвергнутъ слѣдующимъ истязаніямъ: въ крайне неудобномъ сидячемъ положеніи былъ скованъ цѣпями и продержанъ въ такомъ положеніи $2^1/_2$ сутокъ безъ пищи. Въ крайне неудобномъ висячемъ положеніи былъ привязанъ къ дереву въ теченіе $2^1/_2$ часовъ. Свидѣтелями были: 53 Подольскаго полка рядов. Васильевъ, 76 пѣх. Кубанскаго полка ряд. Ляхъ и 134 пѣх. Θеодосійскаго полка ряд. Одушенко.

Геройская смерть старика Базарника.

Бѣжавшіе изъ плѣна разсказываютъ о мужествѣ плѣннаго старика Базарника, котораго нѣмцы разстрѣляли въ 4 пріема. Нѣмцы свою жертву сначала привязали къ дереву. Первый залпъ дали по ногамъ, затѣмъ по животу, потомъ въ грудь и, наконецъ, въ голову. Залпы раздѣлялись значительными промежутками, чтобы причинить герою больше страданій. Послѣ второго залпа Базарникъ промолвилъ: *„Я умираю за святую православную Вѣру, за Царя и за родную Русь, но знайте, что не сломить вамъ русской силы. Русскій Царь вотъ такъ разотретъ васъ"*. Базарникъ сложилъ руки ладонями и сдѣлалъ выразительный жестъ растиранія. Послѣдовалъ третій залпъ и герой умолкъ. Но варвары продолжали стрѣлять и четвертый залпъ дали по безчувственному тѣлу героя.

Издѣвательства австрійцевъ надъ ранеными.

Полковой священникъ, Отецъ Матвѣй Береженовъ, разсказываетъ: 30 сентября 1914 года во 2 сводный военный госпиталь былъ доставленъ солдатъ Иванъ Щиглевъ, имѣвшій двѣ сквозныя раны лѣвой руки и правой ноги, повидимому, сопровождавшіяся раздробленіемъ костей. Щиглевъ—уроженецъ Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи, участникъ Японской войны, за которую былъ награжденъ Георгіемъ 4-й степени. Въ настоящую войну Щиглевъ былъ раненъ въ Галиціи въ сентябрьскихъ бояхъ, вблизи русской границы, неподалеку отъ города Томашева, Холмской губерніи.

Во время этихъ боевъ Щиглева и четырехъ его товарищей, также тяжело раненыхъ, забрали въ плѣнъ австрійцы, причемъ одинъ австрійскій солдатъ сорвалъ со Щиглева Георгіевскій крестъ и съ какой-то особой злобой растопталъ его ногами. Никакихъ перевязокъ раненымъ плѣннымъ никто не дѣлалъ, они сами успѣли кое-какъ перевязать другъ друга, пользуясь имѣвшимся у нихъ перевязочнымъ матеріаломъ. Затѣмъ для несчастныхъ начались дни ужасныхъ страданій:

ихъ, не говоря уже о голодѣ, страшно мучила жажда, но имъ не только не давали ѣсть, но не давали даже глотка воды. Напрасно страдальцы умоляли своихъ палачей дать воды, австрійцы наиболѣе молившихъ *о водѣ, болѣе другихъ плакавшихъ громко отъ нечеловѣческихъ страданій, усмиряли прикладами, пинками въ грудь,* во что попало... Нѣкоторые изъ нашихъ вынимали имѣвшіеся у нихъ серебряные рубли, давали австрійскимъ солдатамъ и молили принести воды... Злодѣи преспокойно деньги клали въ карманъ, но воды все-таки не давали.

Трое нашихъ плѣнниковъ не вынесли этихъ пытокъ и скончались въ страшныхъ мученіяхъ,—а двое, въ томъ числѣ и Щиглевъ, прожили въ такой обстановкѣ четверо сутокъ — пока не были освобождены нашими казаками.

Сожженіе раненыхъ на ст. Жеймы.

Командиръ . . . . дружины полковникъ Э — въ въ своемъ дознаніи сообщаетъ, что нижніе чины 1 и 2 роты, бывшіе на ст. Жеймы и уцѣлѣвшіе, разсказываютъ слѣдующее:

1) Младшій унтеръ-офицеръ 1 роты Брониславъ Селицкій показалъ:

Окруживъ станцію со всѣхъ сторонъ и поставивъ у дверей часовыхъ, непріятель стрѣлялъ въ окна и двери станціи Жеймы. Воспользовавшись тѣснотой, которая произошла отъ большого количества набившихся солдатъ 1 и 2 роты и нахожденія внутри него раненыхъ при началѣ перестрѣлки, которымъ врачъ Дворцовъ съ фельдшерами дѣлалъ перевязки, непріятель впустилъ въ зданіе нѣсколько своихъ солдатъ, которые били раненыхъ прикладами, кололи штыками всѣхъ, кто попадался. Затѣмъ, послѣ этихъ избіеній, нѣмцы облили помѣщеніе и нѣкоторыхъ людей спиртомъ или бензиномъ и зажгли внутри и снаружи станцію. Станція подорвана была также ручными гранатами.

Крики и мольбы раненыхъ не могли укротить жестокости непріятеля.

2) Рядовой 2 роты Кириллъ Григорьевъ показалъ:

Будучи запертъ въ залѣ зданія ст. Жеймы, я пытался выбѣжать черезъ двери наружу, но приставленные часовые не пускали выбѣжать оттуда до тѣхъ поръ, пока зданіе внутри не загорѣлось. Когда же огонь началъ охватывать внутренность помѣщенія, то нѣмцы пріоткрыли дверь и начали принимать нашихъ солдатъ на штыки, когда они выбѣгали изъ горящаго дома.

Я этой участи не подвергся благодаря тому, что черезъ щель просунулъ стволъ винтовки и убилъ стоявшаго непріятеля.

3) Младшій унтеръ-офицеръ 2 роты Онуфрій Курневичъ показалъ:

Лежа въ дровахъ, я видѣлъ, какъ два человѣка нѣмцевъ добили прикладами и штыками горниста нашей роты Василія Передня, несмотря на его просьбы и мольбы оставить его.

Письма военноплѣннаго изъ Германіи [1]).

Первое письмо отъ 9 марта.

Обращеніе съ плѣнными звѣрское,—толкаютъ, кто хочетъ и чѣмъ попало. Начальство поощряетъ, некому жаловаться. *Заживо погребено 3.600 человѣкъ.* За малѣйшій проступокъ ведутъ на лобное мѣсто, бьютъ воловьими жилами и резинами, а потомъ прикручиваютъ веревками къ столбу. *Морятъ голодомъ.* Получаютъ *въ сутки* $^3/_4$ *фунта хлѣба ржаного со смѣсью картофеля и древесной муки,* около 1 бутылки супа изъ совсѣмъ очищеннаго картофеля или кормовой моркови и брюквы безъ мясной порціи. Чай два раза безъ сахару. Ожидается хуже.

Люди, у кого нѣтъ денегъ, сильно истощены и часто умираютъ. Я же, благодаря тебѣ и людей, у которыхъ занялъ денегъ, мало испытываю горя. Хотя теперь съ деньгами, но купить нечего; раньше былъ хлѣбъ, а сейчасъ *хлѣбная торговля прекращена* навсегда. Соль за 1 фунтъ 10 коп.

[1]) Орѳографія сохранена.

и сельди по 15 коп. штука въ лавкѣ для плѣнныхъ. Что дальше, то все сильнѣй отзывается голодъ во всей странѣ, а на насъ больше. Въ газетахъ то и дѣло, что даютъ указанія, какъ вести экономно продовольствіе, особенно съ хлѣбомъ.

Всѣ съѣстные продукты конфискованы въ казну и выдаются на каждую семью дачками. *Мобилизованы отъ стара до 16 лѣтъ.* Въ газетахъ пишутъ (навѣрно, врутъ) о побѣдахъ на всѣхъ фронтахъ; почти ежедневно берутъ по нѣсколько тысячъ въ плѣнъ, особенно русскихъ. Ободряютъ и призываютъ жителей на помощь. Обѣщаютъ многое и уповаютъ на побѣду. Намъ сообщаться съ жителями не допускаютъ. Конвойнымъ солдатамъ съ нами запрещено разговаривать подъ строгимъ штрафомъ.

Газетъ не дозволяютъ намъ, читаемъ украдкой. О своихъ потеряхъ никогда не пишутъ. Будто намѣрены наступать на Новогеоргіевскую крѣпость по рѣкѣ Вкра (газ. 16 февр.). Отошли это мнѣ скорѣе. Пришли въ посылкѣ хоть кусочекъ русской газеты. Здѣсь изрѣдка засланные попадаются и мы жадно читаемъ (продолженіе слѣдуетъ). Обращаются хуже, чѣмъ китайцы.

Копія.

Второе письмо.

Голодъ усиливается. На всѣ продукты цѣны шальныя. *Хлѣба выдается въ сутки на человѣка $^1/_4$ фунта.* Все гнилое и сырое у нѣмцевъ ѣдятъ плѣнные и то въ наименьшей дачѣ. Безденежные люди совсѣмъ отощали и еле волочатъ ноги, опухаютъ, но *помощи нѣтъ ни отъ кого. Всѣ озвѣрѣли* и каждый заботится только о себѣ. Обо мнѣ не думай,—я, благодаря тебѣ, голоду не терпѣлъ еще.

Пробовали заявлять жалобу, но безрезультатно. Объявляютъ, что ихъ жители получаютъ каждый въ недѣлю 3 фунта хлѣба, но приварочныя—мясо, сало, да и не одинъ разъ въ сутки получаютъ? какъ мы. *Хлѣба въ продажѣ нѣтъ нигдѣ.* Крупа перловая 55 пфен. за 1 фунтъ, мясо свиное 1 марка за 1 фунтъ.

Въ случаѣ невыхода на работу, капитанъ нѣмецкій объявилъ разстрѣлъ, какъ за бунтъ. Пожалуй, пропадемъ. Звѣр-

ское обращеніе продолжается. Нѣтъ того человѣка, что не получилъ побоевъ прикладомъ или штыкомъ.

„Тяжко, трудно намъ живется
У германцевъ въ плѣну,
Нѣтъ защиты, мы забыты,—
Что же дѣлать? и кому?“

Въ газетѣ за 19 (ихъ) марта на французскомъ и англійскомъ фронтахъ нѣмцы отступаютъ, якобы потому, что большая часть ихъ войскъ переброшена на Восточную Пруссію, противъ Россіи. По городу встрѣчаются однѣ почти женщины въ трауръ. Жители и солдаты ожидаютъ конца войны.

Пиши, получилъ ли эти три открытки.

Показанія австрійскаго офицера.

Одинъ изъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, лейтенантъ пѣхотнаго полка на опросѣ его 6-го іюня 1915 года повѣдалъ слѣдующее:

Наша австрійская дивизія уже второй мѣсяцъ дѣйствуетъ совмѣстно съ германцами; чаще всего нашему полку приходилось имѣть своими сосѣдями *прусскую гвардію.*

Если бы русскіе солдаты знали, какія невѣроятныя мученія, какая страшная и позорная смерть ожидаетъ многихъ изъ нихъ, попавшихъ въ руки врага, они не сдавались бы тогда живыми въ плѣнъ.

Я разскажу вамъ нѣсколько случаевъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ самъ или о которыхъ я слышалъ разсказы своихъ же офицеровъ или солдатъ.

Въ концѣ апрѣля и въ маѣ, при отходѣ русскихъ къ Сану и далѣе, ко мнѣ неоднократно прибѣгали мои солдаты— чехи, русины и поляки, и съ ужасомъ докладывали, что гдѣнибудь поблизости германскіе и частью австрійскіе солдаты-нѣмцы занимаются истязаніемъ русскихъ плѣнныхъ, замучивая ихъ до смерти. Сколько разъ я бросался по указанному направленію и видѣлъ дѣйствительно ужасныя картины: въ разныхъ мѣстахъ валялись брошенные, обезображенные, изуро-

дованные трупы русскихъ солдатъ. Находившіеся поблизости германскіе солдаты каждый разъ мнѣ объясняли, что они „лишь исполнили приказаніе своихъ начальниковъ“. Когда я обращался къ германскимъ офицерамъ съ вопросомъ, правда ли это, то они мнѣ отвѣчали: „такъ слѣдуетъ поступать съ каждымъ русскимъ плѣннымъ и пока вы, австрійцы, не будете дѣлать того же, вы не будете имѣть никакого успѣха“. Только озвѣрѣлый солдатъ хорошо сражается и для этого наши солдаты должны упражнять свою жестокость на русскихъ плѣнныхъ, которые, какъ измѣнники своей родинѣ, добровольно сдавшіеся въ плѣнъ, ничего, кромѣ пытки, не заслуживаютъ.

Я видѣлъ десятки такихъ случаевъ на небольшомъ сравнительно фронтѣ, но сколько такихъ истерзанныхъ труповъ русскихъ плѣнныхъ разбросано по всей Галиціи—страшно подумать; ихъ—сотни, тысячи.

Въ деревнѣ Сухорувъ, что въ 5-ти верстахъ къ востоку отъ Ярослава, я самъ видѣлъ, какъ нѣмцы заперли въ деревянный сарай 9 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ и потомъ подожгли его со всѣхъ сторонъ. Несчастные мученики пробовали выламывать доски, чтобы выбраться изъ горящаго строенія, но тѣмъ, кому удавалось просунуться въ образовавшуюся щель, нѣмцы со смѣхомъ разбивали головы длинными шестами и вталкивали окровавленные трупы въ огонь. Видѣвшіе это крестьяне, хозяева горѣвшаго сарая, сначала умоляли германцевъ прекратить муки несчастныхъ плѣнныхъ, но потомъ принуждены были замолчать. „Если вы будете заступаться за этихъ собакъ-измѣнниковъ, отдавшихся въ наши руки, то мы васъ прибавимъ къ нимъ въ сарай“—отвѣчали имъ германскіе солдаты.

При переходѣ въ маѣ мѣсяцѣ тыловыхъ частей германо-австрійской арміи черезъ рѣку Санъ на мостахъ получилось большое скопленіе обозовъ и войскъ,—дороги оказались забитыми; а тутъ еще навстрѣчу прибыла огромная партія русскихъ плѣнныхъ, которыхъ и безъ того множество толпилось у переправъ. Германцы разсвирѣпѣли и ихъ офицеры отдали нечеловѣческій, жестокій приказъ „бросать ихъ, мерзавцевъ-плѣнныхъ, въ Санъ“. Я увидѣлъ потрясающую кар-

тину, которая никогда не изгладится изъ моей памяти: озвѣрѣлые солдаты-нѣмцы сбрасывали русскихъ плѣнныхъ съ мостовъ въ рѣку, сопротивляющихся сбивали штыками и прикладами. Вскорѣ нѣмцы увидѣли, что большинство сброшенныхъ спасается, выбираясь на берегъ. Тогда было приказано плѣнныхъ прикалывать и раненыхъ или ихъ трупы сбрасывать въ Санъ. Не одна сотня несчастныхъ русскихъ была переколота и потоплена въ рѣкѣ.

Нѣсколько дней спустя денщикъ мой со слезами на глазахъ разсказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ нѣмцы заставили раненаго въ руку русскаго плѣннаго нести на спинѣ германскаго раненаго солдата. Русскій повиновался, но вскорѣ выбился изъ силъ и, показывая на свою залитую кровью руку, просилъ одного изъ здоровыхъ германцевъ смѣнить его. Видѣвшій это германскій офицеръ приказалъ своему солдату убить русскаго, что тотъ и исполнилъ со словами: „да, ты уже не годишься".

Какъ-то прибѣжалъ ко мнѣ мой взводный унтеръ-офицеръ съ просьбой спасти русскаго плѣннаго, жестоко истязуемаго германцами. Я поспѣшилъ въ указанномъ направленіи, но было уже поздно: передо мной лежалъ обезображенный трупъ съ прострѣленной грудью. Находившіеся поблизости солдаты разсказали мнѣ, что это былъ русскій телефонистъ, отказавшійся отвѣчать на предлагавшіеся ему вопросы о мѣстахъ расположенія русскихъ войскъ. Опрашивавшій телефониста офицеръ сталъ его бить и нехорошо отозвался о русскомъ Императорѣ. Несчастный мученикъ, несмотря на жестокіе побои, молчалъ и только когда офицеръ вновь въ непристойныхъ выраженіяхъ заговорилъ о священной особѣ Государя, плѣнный съ гордостью сказалъ: „я готовъ умереть за своего Царя". Въ отвѣтъ на это офицеръ спокойно вынулъ револьверъ и, со словами: „отлично, умирай", выстрѣлилъ ему въ грудь.

Германскіе офицеры постоянно пріучаютъ своихъ и нашихъ австрійскихъ солдатъ къ жестокости на русскихъ плѣнныхъ, раненыхъ и трупахъ убитыхъ. Я самъ своими глазами видѣлъ, какъ германцы заставили нашихъ уланъ упражняться въ рубкѣ раненыхъ и убитыхъ русскихъ сол-

дать, застрявшихъ въ болотѣ. Я съ ужасомъ смотрѣлъ, какъ уланы, осторожно подползая по болоту, рубили головы русскихъ, изъ которыхъ, навѣрно, многіе были еще живы, такъ какъ бой на этомъ мѣстѣ закончился только два дня назадъ.

Все разсказанное я подтверждаю своимъ офицерскимъ словомъ и готовъ повторить, когда и кому угодно.

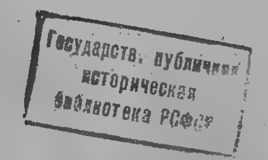
Отъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба.

Главное Управленіе Генеральнаго Штаба сообщаетъ, что „плѣнные шестого австрійскаго корпуса, взятые въ первыхъ числахъ іюля на Холмскомъ направленіи, со словъ прибывшаго для пополненія, настойчиво утверждаютъ, что въ Равѣ Русской *германцы разстрѣляли 5.000 русскихъ плѣнныхъ*, и что прибывшіе на пополненіе нижніе чины видѣли большое кладбище, гдѣ похоронены эти разстрѣлянные.

Этимъ злодѣяніемъ нѣмцы превзошли самихъ себя. Въ своей жестокости пруссаки уже дошли до крайнихъ предѣловъ, дальше имъ идти некуда! Въ этихъ звѣрствахъ они превзошли самаго хищнаго звѣря!

Вѣчная память павшимъ въ Равѣ Русской пяти тысячамъ, злодѣями убіенныхъ!

Вѣчная память замученнымъ!

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Завѣтъ Суворова русскому воину:

„Съ бабами не воевать, малолѣтокъ не трогать, мирныхъ жителей не обижать, *а врага бить сокрушительно!*"

Сотни тысячъ плѣнныхъ австрійцевъ и германцевъ прошли въ глубь Россіи и не сумѣютъ они разсказать случая жестокаго съ ними обращенія. Они узнали, что въ Россіи не рѣжутъ ушей, языковъ, не жгутъ плѣнныхъ. О добродушномъ обращеніи нашихъ солдатъ съ плѣннымъ врагомъ свидѣтельствуютъ безчисленные ихъ разсказы.

Великъ, могучъ и справедливъ нашъ народъ, не было и не будетъ въ немъ жестокости къ безоружнымъ.

Только злоба, безсиліе нѣмцевъ и подлость души народа-палача, народа-изверга можетъ заставить издѣваться,—истязать безоружнаго врага.

Враги разсчитывали запугать, устрашить насъ своими гнусными звѣрствами, но не страшны чудо-богатырямъ никакія пытки враговъ.

„Кто русскій по сердцу,
Тотъ бодро, и смѣло,
И радостно гибнетъ за правое дѣло".

Подвиги нашихъ героевъ-мучениковъ показали всему міру, что русскій солдатъ, какъ и встарь, умѣетъ умирать за Царя и Родину.

Чудо-богатыри съ презрѣніемъ смотрятъ на всѣ преступные пріемы врага и видятъ въ этомъ его безсиліе.

Не устрашили нѣмецкія пытки героевъ: Макухи, Панасюка, Водяного, Пичуева и другихъ; подвиги этихъ героевъ служатъ лучшимъ отвѣтомъ врагу на его безсмысленную жестокость.

И ничто въ мірѣ, даже гнусныя нѣмецкія звѣрства, не могутъ заставить русскаго солдата нарушить вѣрность присягѣ.

Безсмысленныя, дикія звѣрства нѣмцевъ надъ нашими ранеными и плѣнными никогда не забудутся русскимъ народомъ. Рано или поздно, а придется варварамъ XX-го вѣка дать отвѣтъ и дорого поплатиться за всѣ содѣянныя ими гнусныя преступленія.

Наказаніе, заслуженное Вильгельмомъ II, обрушится и на весь германскій народъ и *„не уйти имъ отъ суда мірского, какъ не уйти отъ Божьяго суда“*.

П. Н—евъ.

Цѣна 15 коп.

